

модерновой и традиционной эпох способов интерпретации мира по выделенным А. Шюцем шести признакам жизненного мира.

Ключевые слова: постмодерн, общество, изменения, развитие.

Skliarenko K. Cognitive changes in the structure of the living world: from tradition to post-modernism.

The displays of new epoch are investigated in this article – postmodern – in a today's daily occurrence. For this purpose daily occurrence postmodern marked off from characteristic for modern and traditional epoches of methods of interpretation of the world by means of distinguished A. Schutz of six signs of the vital world. Traditional society in quality the special form of sociality pulls out subzero dynamism of social processes; modern opens rationalism and activity, progress of science and technique. Postmodern marks on to multi-variant approach of community development, denial of progress, distribution of simulyacr. Cyclic model of time of traditional epoche and construction of modern of long-term prospect, replaced in postmodern by «short-term mentality», «society of consumption». Postmodern society aspires to prevailing private above public. Macrosocial structures lose the value in everyday life, subcultural activity spreads. Thus, the vital world of modern personality high-quality differs from styles of modern and traditional society which grounds to us to talk about the new daily occurrence of post-contemporaneity.

Each type of society is characterized by its way of perceiving the world, which serves as a common routine, structured intersubjective living world. Based on these characteristics, we concluded that the living world of the modern individual qualitatively differs from cognitive styles of modern and traditional society that allows us to talk about new everyday modernity. Within this discourse we made an attempt to determine the theoretical limits of the problem field for further narrowing of focus research attention on specific aspects in the Ukrainian part of everyday life.

Keywords: postmodern, society, changes, development.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.

УДК 316

Е. В. Ходус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ЭСТЕТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Артикулирована обусловленность процесса эстетизации частной жизни глобальным явлением медиатизации современной культуры; проанализированы особенности модификации статуса субъекта с учетом эстетической компоненты, которая формирует новую особую специфику самовыражения и самоощущения современного индивида.

Ключевые слова: приватность, субъектность, эстетизация повседневности.

Без преувеличения можно утверждать, что проблематика личностных трансформаций в контексте социокультурных «трансмутаций» (в терминологии Ж. Бодрийара) является одной из доминантных в общем потоке современного социологического теоретизирования. Отдельные аспекты этой проблемы в разные годы были описаны в работах З. Баумана, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, У. Бека, Ж. Бодрийара, Ги-Э. Дебора, М. Фуко, Дж. Урри. Тема данной статьи, находясь в рамках указанного исследовательского поля, непосредственно сфокусирована на особенностях связи между социальным миром и современным индивидуальным опытом. Ведь нынешний тип отношений индивида к обществу, характеризуется рядом таких ассоциативных понятий как «индивидуализация», «общество терапии», «общество впечатлений», «эмоциональный интеллект», «психологизация повседневности», «эстетизация повседневности». В них запечатлены изменения всего ментального комплекса человека, ставшие заметными с 70-х годов XX века под воздействием стремительно нарастающей «медиатизации» социальной реальности. Соответственно цель настоящей статьи состоит в анализе особенностей реконфигурации субъектности современного человека как следствии театрализации социальной жизни, которой способствует глобальное развитие медийных технологий.

Каждая культурно-историческая эпоха порождает определенный набор жизненных доминант, культурно-символических кодов, которые воспринимаются

как норма, образ жизни, господствующее мировоззрение. Такие качества современной культуры как снятие дуальных оппозиций, включая субъектно-объектные, отсутствие единичного, вариативная множественность всего, включая и самоидентификацию субъекта, реализуют определенную мощную тенденцию – формирование нового образа человека, обладающего специфической «чувственностью» – особым, плюралистичным отношением к миру, избегающим излишнего обобщения и диктата тотализирующих истин. Но, таким образом, исчезло и однозначное отождествление индивидуального «Я» с определенными истинами. Сегодня вместо внешних гарантов истинности, отличавших, в большей степени, модерновый культурный проект, индивид обратился к постоянной рефлексивности как осознанию самого себя, что дало ему обостренное чувство собственной индивидуальности, свободы (в том числе и свободы конструирования своих идентичностей), чувство субъектности (как личностное полагание себя в мире в качестве субъекта). Исходя из логики Э. Гидденса, рефлексивность, отличающая позднемодерновый тип социальной жизни, заключается в том, что социальные практики постоянно критически оцениваются и трансформируются в свете нового знания, существующего в самых разных формах (заметим, что сегодня эти формы знания все приобретают преимущественно визуальный характер). Соответственно, как замечает Э. Гидденс «жизнь в веке информационном требует... большего объема социальной рефлексивности... нам постоянно приходится думать или размышлять об обстоятельствах, в которых мы проводим жизнь» [1, с. 39].

Вместестемценностныеитогисовременностипарадоксальны,ихпарадоксальность – в противоречии между непрерывно рефлексивной субъектностью и внешним характером регулирования этой самой рефлексивности. В такой ситуации постоянная рефлексивность приобретает институционализированный, то есть гарантированный характер. По мысли А. Гелена, институт в его совершенной форме заставляет человека действовать инстинктивно, проникает в глубины его сознания и воли, избавляет от необходимости целерационально планировать свои действия, снимает груз исполнения жизненных потребностей. Но главное – он еще освобождает человека от сознания потребности как таковой, делая ее исполнение само собой разумеющимся, то есть банальным [2]. Применительно к постоянной рефлексии это заключается во внешней регуляции чувств и побуждений людей учитывая, что всякому институту присущ некий внутренний нормативный идеал. Соответственно внешнее регулирование постоянной рефлексии состоит в том, что именно меркой институционального идеала она меряет действительность, то есть современная субъектность проявляет себя в стереотипных формах.

В этой связи интересным представляется вопрос о содержании «нормативного мессиджа» со стороны институтов в адрес «технологий Я» (в терминологии М. Фуко) как практик, создающих новое человеческое бытие. В условиях современной культуры, насыщенной визуальной риторикой и предлагающей переизбыток эмоционально насыщенных визуальных образов и повествований, «каждый может быть любим», как заметил П. Штомпка, выстраивая при этом свое «Я» в режиме «приобретения субъектности», репрезентированной в медийных образах. Эти образы обеспечивают нас, особенно в условиях их регулярной потребляемости, референтными формами означивания и интерпретации. Тем самым, осуществляя небывалое информационно-визуальное давление на весь ментальный комплекс человека, современная шоу-культура влияет на разнообразные паттерны повседневной жизни людей, расщепляя при этом субъектность на многочисленные идентичности. Самой типичной фигурой в такой ситуации выступает «случайный индивид, чья персональная идентичность становится все более проблематичной» [3, с. 68].

В такой ситуации, понятие о целостности человека становится не адекватным, более того проблематизируется сама возможность такой целостности, которая задается согласно Э. Гоффману через проекции: Я есть Я + Я есть Мы (Ты) + Я есть тело. Все это выводит на первый план проблему «Я», рассуждая о которой Г. Зиммель писал: «Я – пучок линий, развитый по различным направлениям,

совершенствований, но дело не в них в отдельности, а в значении их для развития личностного единства» [4, с. 317]. Действительно, самость личности меняется вслед за контекстом ее социальных отношений; при этом наша самость не только контекстуальна, но и дистрибутивна, то есть, распределена по разным социально-коммуникативным контекстам, обладает множеством ликов (множеством «Ме», по Дж. Миду). «Я», таким образом, публично позиционирует себя различными способами в разных обстоятельствах.

Вопрос в другом, отчего же сегодня для «личностного единства» первоочередное значение приобретает проекция «Я есть тело» – именно она становится наиболее актуальной практикой самореализации, вернее самопрезентации человека, превращая его самость в «тотальную видимость», в образ. Говоря о проекции «Я есть тело», мы имеем в виду усиление акцента на визуальность в процессе конструирования и манифестации идентичности, когда «субъект как тело» становится своеобразной формой личностного высказывания, когда тело, репрезентованное в имидже, «Я – в образе», маске служит для того, чтобы полнее проявить и утвердить собственную индивидуальность. Ведь жизнь в атмосфере большого города с его гипертрофированной формой объективной культуры все больше подчинена официальным установкам, которые размывают эту самую индивидуальность. Специалисты в области социально-гуманитарного выдвигают различные гипотезы, пытающиеся осмыслить всплеск интереса к телу в современном мире [5]. В этом отношении интересно мнение Ж. Липовецки, считающего, что индивид перед лицом социального вакуума пытается найти в себе то, что ожидал получить от общества – общение, и «партнерами» по диалогу может стать домашнее животное, какая-то вещь, и собственное тело. Тело становится предметом любви и капиталом, который необходимо приумножать. Так, профессиональная карьера помимо наличия диплома и опыта подразумевает способность человека представить себя, выглядеть соответствующим образом, создать о себе необходимое впечатление.

Другим существенным фактором, меняющим жизненный мир субъекта в указанной проекции, оказались деятельность СМИ и распространение новых электронных технологий, делающих его самоопределение и самопостроение путем опознания собственной личности еще более проблемным. Поиск идентичности в этом случае все чаще происходит путем вынужденного оценивания себя только в соотношении с глобальной сетью, как едва ли не единственным сегодня универсальным источником совмореференции. Анализируя воздействие современных медийных технологий на общество М. Кастельс заключает «В то время как медиа стали по-настоящему глобально взаимосвязанными, а программы и сообщения начали циркулировать в единой глобальной сети, мы оказались жителями не глобальной деревни, а глобально производимых и локально распространяемых индивидуализированных коттеджей» [6, с. 303]. Люди оказываются «вброшенными» в публичную сферу, открытую перед ними массмедиа. И если в эпоху до широкого вещания «публичная жизнь не «предназначалась мне», она, по определению, была вне моей и чьей бы то ни было еще досягаемости, то сегодня публичный мир все активнее вторгается в приватную сферу, в самые разные формы домашнего существования, размывая тем самым границы между приватным и публичным, близким и далеким. По мнению И. Мальковской неразличимость традиционно выделяемых сфер жизнедеятельности человека – принципиальный нюанс современности, с которым мы сталкиваемся в обыденном опыте [7, с. 262.].

В культуре, в которой по выражению Дж. Урри, «видеть – значит верить», смотреть на экран телевизора – значит позволять ему предлагать и раскрывать нам представления о правилах игры в обществе, об общественной морали, системе значимых ценностей и актуальных социальных типажах. В ситуации «медиазации» реальности индивид оказался втянутым в игровое поле конструирования впечатлений. Включив тот же телевизор, зритель оказывается вовлеченным в эмоциональное и драматургическое шоу-повествование сменяющих друг друга персонализированных историй, ведь публичный мир, репрезентированный на экране, состоит не только из безличных событий и явлений, но и из людей. При этом

сама форма подачи информации персонализирует дискурс, обращаясь, в основном, к уровню зрительских чувств, строится на откровенности, неформальности, естественности и гармонии со всем миром, проникается мистикой теплоты и заботы, ведь содержание подавляющего числа программ – это домашние хлопоты, красота, здоровье и личные отношения – то, что составляет сферу повседневного существования человека.

В итоге, современный индивид оказывается активно вовлеченным в «парасоциальные интеракции» с теми, кого, как нам кажется, мы знаем, при этом грань между реальностью и имитацией, перформансом стирается. В этой связи вполне симптоматичным представляется, учитывая логику спектализации, трансформация мировосприятия современного индивида, который все больше функционирует в режиме «сползания иметь в казаться» (по Ги Дебору,). Проникнувшись «логикой спектакля» (в терминологии Ги Дебора) человек становится наблюдателем своей собственной жизни, исполнителем ролей (в том числе и частных). Не случайно для описания ценностной картины социальной жизни сегодня все чаще используется метафора «спектакля/театрализации». Реальная человеческая жизнь все больше приобретает сценический характер. Этот факт отмечает Ги Дебор, утверждая, что в обществе происходит фактическая инверсия реальности и спектакля: «понятие спектакля объединяет и объясняет огромное множество видимых явлений. Спектакль, рассматриваемый согласно его собственной организации, есть утверждение видимости, утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни как видимости» [8, с. 25]. Следуя логике Ги Дебора, множественность определений спектакля можно свести к следующей дефиниции, выражающей наиболее характерные черты понятия: спектакль есть род деятельности, который заключается в том, чтобы говорить от имени других; чем больше человек созерцает происходящее вокруг, тем менее он живет своей собственной жизнью, меньше понимает смысл своего собственного существования и осознает собственные желания.

Таким образом, понятие спектакля акцентирует внимание на переходе к перенасыщенному образами обществу, где реклама, развлечения, массмедиа и другие виды индустрии культуры все в большей степени определяют социальную жизнь, вытесняя живой опыт и активное социальное участие. Не случайно, одной из метафор, используемых для понимания состояния современности, является метафора «нарциссизма» применительно к обществу. Этим понятием социологи объединяют такие явления в современном обществе, как отказ от порядка стандартизации, установившегося при возникновении общества потребления, освобождение от чужого влияния. Нарциссизм означает возникновение нового типа человека с повышенным вниманием к самому себе и своему телу, возникает индивидуализм, освобожденный от последних социальных и моральных ценностей. Такая нарциссическая личность «упорно трудится над освобождением собственного «Я», которое протекает сегодня все больше по законам эстетического. Эстетизированное «Я» работает не над собой, а с собой; предпочитает не деятельность, а делание себя, не отношения, а презентации, не взаимопонимание, а управление впечатлениями [9, с. 21]. В результате эстетизированная субъектность работает на производство эффекта.

Говоря об эстетизации повседневности и, соответственно эстетизации «Я» как актуальной практики субъективации, мы намеренно избегаем оценочных суждений в отношении обстоятельств и социальных последствий данного процесса (это тема отдельной статьи). В данном случае эстетизация повседневности понимается нами в духе постмодернистской концептуализации как процесс превращения предметов, явлений общественной жизни и отдельных людей в художественные объекты на фоне тенденций театральности и перформативности [10]. В таких условиях эстетические практики, детально описанные в работах Р. Рорти, Р. Шустермана, Дж. Абрамса, действительно становятся господствующей формой субъективности. Согласно Р. Рорти необходимость «эстетической жизни» вытекает из децентрализации, множественности «Я» [11]. Поскольку нельзя говорить о «природе» человека (которая

может быть «открыта» и которой можно было бы следовать), единственным способом поисков должной, «благой» жизни является жизнетворчество по образцу создания произведения искусства. Идея М. Фуко о превращении своего «Я» в произведение искусства тем самым получает неожиданное воплощение. Главной характеристикой «эстетической жизни», с точки зрения Рорти, является ее радикальная новизна, постоянный поиск лучших форм воплощения своего «Я», ибо, только изменяя самого себя можно насладиться жизнью. В такой ситуации вопрос субъектности современного человека – это вопрос предельной индивидуализированности (на фоне крайне затруднительной возможности индивидуалистичности). Чтобы спасти и сохранить индивидуальность в таких условиях человек обречен аффицировать крайнее ее выражение и преувеличивать оригинальность, что в свою очередь также становится проблемой на фоне переизбытка информации, впечатлений, образов, сверхбогатающий «Я». В такой ситуации «Я» утрачивает свою идентичность, социальные ориентиры и свою целостность. Эгоистическая эмансипация делает проблематичным для человека, как самоопределение, так и порядок интеракций, рождая патологии социальной связи.

В заключение следует заметить, что неоднозначность процессов эстетизации социальной жизни, на наш взгляд, хорошо выразил А. Генис, говоря о мире, оставшемся без перспектив: «жизнь, слишком голая, чтобы на нее можно было смотреть прямо, заставляет нас обвешивать себя барахлом... Вместо того, чтобы оголять реальность, украсим и занавесим ее. Вместо того, чтобы срывать мишуру, преумножим декорации – спрячем обыденность под ритуалом, заменим этику этикетом, обернем пустоту в шелка и бархат» [12, с. 163]. В качестве эмпирического рефрена в данном случае нам представляется уместным социальный типаж, описанный Б. Эллисом в романе «Американский психопат». Речь идет о молодом человеке, который поклоняется маркам и модным вещам и представляет собой наполовину яппи, а наполовину – серийного убийцу. Поглощенный собственным «Я», он проводит целые часы в тренажерном зале и у косметолога, думает о том, что еще может и должно стать предметом его потребления, и иногда расчленяет на части подружек наманикюрными ногтями. Описанный социальный типаж вполне метафоричен, хотя и чрезмерен, как репрезентация социальных эффектов медиатизации субъективности, вызвавшей кризис самоопределения индивида и дефицит той реальности, которая дает ему ощущение целостности бытия. Вместо этого процессы медиатизации привели к небывалой визуально-чувственной фрагментации человека, когда его «личностное наполнение» происходит все больше в режиме визуализации самости через проекцию «Я есть тело/образ», когда одним из способов «рассказать о себе» (по П. Рикеру) как другим, так и самому себе становится стилизация себя (своего поведения, тела, жизненного пространства).

Библиографические ссылки

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
2. Гелен А. Новый субъективизм / А. Гелен // Мир человека. – 1993. – №3. – С. 27–34.
3. Терешенко Н. А. Постмодерн как ситуация философствования / Н. А. Терешенко, Т. М. Шатунова – СПб. : Алетейя, 2003. – 192 с.
4. Зиммель Г. Философия денег (фрагмент). Сборник / Г. Зиммель // Теория общества. – М. : Кучково поле, 1999. – С. 309–383.
5. Травайо И. Социология телесных практик / И Травайо // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ РАН. – М., 2001. – № 4. – С. 5–28.
6. Кастельс М. Могущество самобытности: Антология / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – 356 с.
7. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. – 440 с.
8. Дебор. Г. Общество спектакля / Г. Дебор – М.: Логос, 2000. – 457 с.;
9. Мальковская И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире / И. А. Мальковская // Социол. исслед. – 2008. – №5. – С. 16–25.
10. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма / Н. Маньковская – СПб: Алетейя, 2000. – 347 с.

11. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст: сборник / Рос. акад. наук, Ин-т философии; составитель А. А. Сыродеева; отв. ред. А. Рубцов. — М. : Фонд Традиция, 1997.
12. Генис А. Два: Расследования / А. Генис – М. : Подкова, Эксмо, 2002. – 492 с.

Ходус О. В. Реконфігурація суб'єктивності в контексті процесів естетизації соціальної реальності.

Артикульована обумовленість процесу естетизації приватного життя глобальним явищем медіатизації сучасної культури; проаналізовано особливості модифікації статусу суб'єкта з урахуванням естетичної компоненти, яка формує нову особливу специфіку самовираження і самовідчуття сучасного індивіда.

Ключові слова: приватність, суб'єктність, естетизація повсякденності

Hodus E. The reconfiguration of subjectivity in the context of the aestheticization of social reality.

The article articulated conditioning process aestheticization of privacy global phenomenon of coverage of modern culture; analyzed features modification status of the subject with the aesthetic component, which generates a special specificity of expression and self-awareness of modern individual. Speaking about the aestheticization of everyday life and, accordingly aestheticization of «Me» as the actual practices of subjectivation, it is a process of transformation of objects, phenomena of social life and individuals into art objects on she background of tendensiy theatricality and performance (the metaphors used to describe the pattern of values of social life). Concept of the play focuses on the transition to the over-saturation images of a society where advertising, entertainment, mass media and other cultural industries increasingly define social life, forcing the live experience and active social participation. It is no accident that she one of the metaphors used to understand the condition of modernity, is a metaphor of the «narcissism» in relation to society.

This concept sociologists combine such phenomena in modern society, as a rejection of the order of standardization established when a consumer society, freedom from foreign influence. Narcissism means the emergence of a new type of people with heightened attention to yourself and your body, there is individualism, freed of the latest social and moral values. This narcissistic person «working hard to release his own «I», which takes place today, more by the laws of the aesthetic. When building your project identification, the individual searches for support to his «I» in the symbol of fashion, advertising, brand, aestheticization with its subjectivity in the «self-image», that is aestheticized «I» prefer not only doing themselves, but also the presentation itself» as spectacle. «Individuality was able to open up in style, fashion, design, recreation, and other event-subject variations of modern process of aestheticization of everyday life. It is no accident, H. Schulze says about modern society as «social experiences» in which one of the main values of life is the ability to experience positive and varied experiences, and among them the most important - the aesthetic experience. People are concerned about the quality of subjective experiences and are busy creating «a beautiful, pleasant and exciting life» and «yourself». As a result, the sensual pleasures, the idealization of aesthetic experience and the affective aspects of social existence contribute to the formation of a new type of sociality and interpersonal communication

Keywords: privacy, reconfiguring, cultural space, subyektnist, aestheticization of everyday life.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.